

песнь песней

на улице

Палермской

**Аннете
Бьергфельдт**

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.113.4-31
ББК 84(4Дан)-44
Б96

Annette Bjergfeldt

HØJSANGEN FRA PALERMOVEJ / WHEN LIFE GIVES YOU HIPPOS

Copyright © Annette Bjergfeldt 2020
Published by agreement with Salomonsson Agency

Перевод с датского *Анатолия Чеканского*

Бьергфельдт, Аннетте.
Б96 Песнь песней на улице Палермской / Аннетте Бьергфельдт ; [перевод с датского А. Чеканского]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-119336-2

В 1917 году Ганнибал, очарованный русской культурой, приезжает в Россию. Он влюбляется в циркачку Вариньку и увозит ее в Данию, чтобы жениться. Но разве может получиться обычная семья у таких экстраординарных людей?

Дочь Ганнибала и Вариньки, по слухам, обладающая экстра-сенсорными способностями, влюбляется в укротителя голубей! А его внуки, близнецы, выбирают творческую профессию: Эстер становится художником, а Ольга – оперной дивой. Старшая же сестра близнецов Филиппа озабочена тем, чтобы стать первой женщиной-космонавтом, прежде чем болезнь унесет ее жизнь.

«Песнь песней на улице Палермской» – это жизнеутверждающий роман о семье, любви и смелости. Смелости, пережив потери, все равно дать себе шанс на новое счастье.

УДК 821.113.4-31
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-119336-2
© Чеканский А., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2023

Первая часть

ДО МАЖОР

allegro ma non troppo
(Не слишком быстро)

Время чудес

Когда Филиппа умерла в первый раз, нам с Ольгой только-только исполнилось по семь лет.

Старшая наша сестра потеряла сознание совершенно внезапно. Упала в дыру во времени и на кончиках пальцев перебралась в мир чистого света *по ту сторону*. Там вокруг нее бесчисленными рядами проплывали души умерших, и она стала одной из них.

Мать моя призвала бабушку из храма Александра Невского, что на улице Бредгаде. Комнату Филиппы в доме на Палермской улице заполнили молитвенные венки, церковнославянская речь — и другие члены нашей семьи. Моя сестра-двойняшка Ольга сидела на кровати и плакала. И глаза у нее стали еще зеленее обычного. А у изголовья кровати в своем шлафроке, пропахшем индийскими огурчиками для маринада, стояла наша русская бабушка Варинька.

Мне самой ранее не доводилось присутствовать при событии сверхъестественном, и в душе у меня боролись глубокая ревность к Филиппе, потому что Господь предпочел ее компанию моей, и страх потерять старшую сестру навсегда. Запах ли индийских огурчиков, молитвы ли священнослужителя или папины руки вернули Филиппу к жизни, мне неведать, но старшая наша сестра вновь открыла глаза, находясь на руках у отца.

— Случилось чудо! — крикнула Ольга.

— Да, — прошептала моя мать. — Открой окно! Твоей се-
стре нужен свежий воздух.

И, упав на колени, она поблагодарила батюшку. Тот еще раз благословил Филиппу, собрал молитвенные венки и покинул комнату. А я покосилась на бабушку, за всю процедуру не удостоившую своего соотечественника ни единым взглядом. По словам Вариньки, вся эта болтовня о рабах божьих есть не что иное, как сплошная дурь и бред сумасшедшего.

— *Какай лош!* Мошенничество и надувательство.

Ни на каких духов не следует обращать внимания. Даже ночные наши грезы интерпретировались бабушкой как засоряющие мозг туманные бредни.

— Сны снятся, только если вечером скушать испорченных голубцов.

Большая часть бабушкиных родственников сгнули в царскую, ленинскую и сталинскую эпохи. Так что время чудес наверняка миновало.

Бабушка моя, Варинька Совальская, родилась в одна тысяча девятисотом году. В дышащем на ладан семейном цирке, прямо посреди пашни, где-то к востоку от Санкт-Петербурга.

Она на собственном опыте и шкуре убедилась, что магия есть иллюзия, которую необходимо подпитывать тяжелым каждодневным трудом. Цирковые кони валились с копыт, когда плелись по манежу в промозглом шатре, а от шпрыхсталмейстера, моего прадеда Игоря, несло водкой и нижним дамским духом. Артисты от голода просто-напросто не смогли бы выступить, если бы не скромные, но все же запасы еды.

Единственной надеждой семейного предприятия привлечь публику был гиппопотам, которого отец Варинь-

ки, обуянный манией величия, выписал в Санкт-Петербург, куда гиппопотама доставили морским путем в одна тысяча девятьсот четырнадцатом году. И где цирк Совальской в силу неумения его хозяев правильно выбирать время и место деятельности оказался аккурат в момент всеобщей забастовки.

Вообще-то прадед мой собирался выписать слона в одном польском зоопарке, который, по выражению Вариньки, распродал своих питомцев быстрее, чем кобыла успеет помочиться. По идее, собравшиеся наконец-то с духом хозяева слона должны были погрузить его на борт сухогруза в Данциге и затем доставить в торговый порт Санкт-Петербурга, а точнее, к причалу номер двадцать шесть.

В последующие несколько месяцев Игорь говорил только о будущем приобретении. О Слоне с большой буквы С. О том, какое великолепное будущее всех их ожидает. О цирковом номере мирового класса, который он лично создаст с этим замечательным существом. Слон станет гвоздем программы. И никогда больше им не придется отходить ко сну с урчащими от голода желудками. ТЕПЕРЬ наступит прорыв.

Наконец пришел день, когда ожидалось прибытие судна со Слоном. Прадед взял с собой в порт Вариньку и широкоплечую силачку Светлану. Светлана могла поднять любую тяжесть и умела водить грузовик. Полный надежд, Игорь стоял на молу и шурился на солнце, пока сухогруз причаливал под безоблачным небом. Кран медленно поднял деревянный ящик из чрева судна на верхнюю палубу, а потом начал опускать его на причал.

— *Ми идйом слона!* Мы ждем нашего слона! *СЛО-НА!* — гордо объявлял Игорь окружающей толпе, состоявшей из поденщиков вперемешку с безработными моряками. Ящик все еще висел в воздухе, напряжение нарастало.

Довольно скоро, впрочем, выяснилось — что-то не так.

Чем ближе к земле приближался ящик, тем сильнее он уменьшался в размерах.

— Слон сел после стирки, — бурчала Варинька всякий раз, когда по нашему с Ольгой настоянию рассказывала эту историю.

Ибо когда Светлана вскрыла этот маленький-премаленький ящик, все присутствующие увидели серого в крапинку бегемота с крохотными розовыми ушками и раскрытой пастью с огромными зубами, которая источала дурной запах.

Игорь плевался, ругался, топал ногами и на чем свет стоит проклинал всю Польшу целиком и данцигский зоопарк в частности. Но вскоре он устало махнул рукой и вперил взгляд в бегемота, чья полная надежд морда как раз появилась над краем ящика.

Мой прадед полез было в карман пальто за своей фляжкой, но тот оказался пуст. Капитан порта, также прибывший к месту знаменательного события и слышавший посвященные прибывающему слону эпитеты в превосходной степени, сжалился над незадачливым покупателем. Он выудил из своего кармана бутылку водки и дал директору цирка выпить.

Пробыв около четверти часа в унынии, Игорь воспрял духом и выпрямил спину:

— Варинька! Светлана! Слоны — это банальщина. *Тривиальна... Саурьядна!* Ординарно! Их же повсюду увидишь. В цирке Чинизелли они кишмя кишат. А вот БЕГЕМОТ! *Бегемота* ни у кого нет.

Варинька и Светлана молча глазели на него.

Грузовик, на котором они собирались транспортировать бегемота, не пожелал заводиться. И этот солнечный день, начинавшийся так красиво, с мечты о Слоне с большой буквы, кончился тем, что Игорь, Варинька и Светлана, оставив машину на причале, отправились в долгий путь через весь Санкт-Петербург к цирку Совальской с вонючим бегемотом на буксире.

— Выше головы, дамы! Это же потрясающая реклама! — приговаривал Игорь, шагая мимо глазающих на процессию зевак.

Те смеялись, качали головами или саркастически приподнимали шляпы.

— Ну погодите. Публика к нам валом повалит! Мы цирк Чинизелли затмим!

Цирк Чинизелли им, разумеется, затмить не удалось, но надо отдать должное моему прадеду, обладавшему уникальной способностью любое свое фиаско представлять так, будто апельсины сыплются с неба ему в тюрбан. Страсть к самовозвеличиванию постепенно переросла в болезнь, ему просто требовалось, чтобы все вокруг падали перед ним ниц, восхищаясь каждой его ошибкой.

Неделю спустя Варинька бегала по городу среди анархистов, агитаторов из числа фабричных рабочих и кроваво-красных стягов и расклеивала рекламные афиши с бегемотом.

В том же году разразилась мировая война. Царь подавил мятеж своих подданных и повелел сменить прежнее название стольного града на более привычное русскому уху — Петроград.

Впрочем, Варинька вряд ли обратила на эти события особое внимание, ибо в конце сезона к труппе присоединился молодой лилипут по имени Вадим. И они вдвоем взялись дрессировать бегемота. Вадим мастерски выполнял сальто-мортале и прыжки на батуте и скоро ввел гиппопотама в свой номер. И пока в Европе бушевала война, эти трое — Вадим, Варинька и бегемот — стали неразлучны.

В начале Варинька даже не могла определить, кем сильнее восхищается — виртуозным артистом Вадимом или бегемотом, которого, судя по всему, ничуть не трогало то обстоятельство, что он не был слоном, которого выписывал прадед Игорь.

Но через пару месяцев от сомнений в сердце Вариньки не осталось и следа, и Вадим переселился в ее потрепанный всеми ветрами цирковой вагончик. Он стал первым человеком, на которого она могла положиться и кому могла полностью доверять, после того как в девятилетнем возрасте лишилась матери.

У моей бабушки был свой коронный номер, который в течение нескольких последующих лет она довела до совершенства. Маленькая, всего-то полтора метра ростом, и мускулистая, она так научилась управлять своим гибким телом, что могла принимать совершенно немислимые позы и легко прятаться в потайных ящиках иллюзиониста.

Будучи многожды «распиленной», она быстро сообразила, что к чему в нашей жизни. Что никто никогда и ни за что, даже по мановению волшебной палочки, не составит части твоего туловища в единое — и живое — тело, если до этого тебя распилили по-настоящему. Ибо счастье капризно и переменчиво.

В тысяча девятьсот семнадцатом большевики штурмовали Зимний дворец, а через год, когда Вариньке исполнилось восемнадцать, она стала свидетелем того, как ее возлюбленный Вадим ошибся, прыгая с батута. Он, как всегда, пролетел в воздухе и успел сделать двойное сальто-мортале, но в тот вечер окончил свой полет не на спине бегемота, как обычно, а в пасти животного. Зрители не поняли, что стали очевидцами фатальной ошибки. Они в восхищении вскочили с мест и закричали *da capo, da capo*¹, в то время как Вадим навсегда исчез в брюхе бегемота, оставив Вариньку одну-одинешеньку на всем белом свете.

¹ Здесь: Повторить, повторить! (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

В то самое время мой дед по материнской линии отплясывал кадрили в Копенгагене. Он был вторым по старшинству сыном оптовика, и семья его во время войны не просто не бедствовала, но даже нажила весьма неплохие барыши. Они продавали консервы всем воюющим сторонам, и поставленная ими тушенка служила пищей для солдат как в немецких, так и во французских окопах. Денег, короче говоря, было у них завались. Но, как ни странно, душа Ганнибала Северина Мёллера все же была не на месте.

Во время Первой мировой войны глаза на портретах Пикассо оказывались где угодно, в том числе и на затылке, а Пруст в Париже находился в поисках утраченного времени и своих мадленок. Шёнберг изобрел додекафонию, корсеты вышли из моды, а женщины получили право голоса. Но все это вряд ли вызывало какой-либо отклик в семье моего деда по материнской линии, проживавшей на Амалиегатте. Мебель как была укрыта чехлами с кисточками в 1890-х, так и осталась в них. Лепнина, безделушки, бахрома и велюровые абажуры — все это, как приметы эпохи, создавало уют во всех девяти комнатах.

Да, конечно, они ходили в театр или устраивали суаре с приглашением тогдашних знаменитостей, но все это по большей части делалось, чтобы себя показать или поговорить о делах в антракте. Сестрам Ганнибала выпадала возможность сделать хорошую партию, а Оптовик получал шанс заключить новый контракт. О спектаклях упоминали редко, разве что в случаях, когда какая-то актриса снова вляпывалась в *скандальную ситуацию!*

Детям Оптовика, разумеется, пришлось учиться играть на фортепиано, но с упором на гаммы и безошибочное исполнение сонат по нотам.

Когда дед был ребенком, его родители обретались каждый в своем конце огромных хором, а детишки выступали в роли почтальона и разносили язвительные записочки от одного супруга к другому. И ни единого нежного слова не было произнесено в адрес друг друга ни хозяином пропахшего сигарным дымом кабинета в самом конце шикарных апартаментов, ни хозяйкой будуара с изящной кушеткой и едва уловимым ароматом розового мыла.

Мать Ганнибала пыталась наполнить теплом огромную квартиру площадью в три сотни квадратных метров, но тщетно. Она садилась у выходящего на улицу окна, обычно после обеда, когда солнце как раз проплывало мимо и на пару мгновений задерживалось на покрытом белым лаком подоконнике.

Холоду в жилище прибавилось, когда Оптовик без всяких объяснений решил ночевать в других местах города. И тот же холод навечно поселился в костях и суставах матери, когда дифтерия унесла с собой Альфреда, брата Ганнибала, который был четырьмя годами старше него. Всю нескончаемо долгую ночь молодой человек боролся с крупом и лихорадкой. Но безуспешно. Утром он неподвижно лежал на постели с лицом синеватого цвета. И более не дышал.

А смерть помчалась дальше, даже не удосужившись оглянуться.

Мать Ганнибала, бледная как мел, сидела, оставив взгляд в пустоту, за письменным столом, с пером и тетрадкой. Когда она на миг оторвалась от своего окна, чтобы дать указание кухарке, Ганнибал пробрался в ее покои, любопытствуя, что она написала. Тетрадка оказалась пуста, лишь на одной странице нетвердым почерком была выведена строчка: *Горе — это живое существо*. Далее к низу страницы расплывалась красноречивая черно-синяя клякса.

Каждую ночь ему снился Альфред. Цветочные бутоны, что никогда не распустятся и так и останутся внутри почки

растения. Полные надежд на будущее семядоли и тычинки, увядающие и тихо осыпающиеся на натертые воском паркетные полы только для того, чтобы горничная вымела их вон из квартиры. Его поражало, что существование человека строится на такой хлипкой основе, что жизнь и смерть разделяет всего лишь лопнувший кровеносный сосуд. И тогда дед поклялся на могиле брата, что он, Ганнибал Северин Мёллер, отныне станет жить страстью. Он не потратит ни одной секунды на показное и необязательное. Он навсегда откажется от бессмысленных побрякушек и элегантных диванных комплектов, на которых его родители все равно никогда не сживали вместе.

И вот у Ганнибала появилась мечта, ему пригрезился дом, со множеством настёж распахнутых окон, полный света, детского смеха и любви. В саду поэты декламируют прекрасные стихи, и люди богемы празднуют и веселятся под крышей этого жилища. Из открытых окон льется чудесная музыка, и под звуки ее дом парит в воздухе. Он видел его перед глазами, этот *парящий в воздухе дом*.

На самом деле, только слушая концерт Чайковского или читая в Библии Песнь песней царя Соломона, дед чувствовал, что сердце его бьется в должном ритме. Пульс повышался настолько, что кровь растекалась по жилам с бешеной скоростью, так что казалось, ее можно попробовать на вкус.

Библию ему прислала в подарок на конфирмацию тетушка Тея, она жила в Йоханнесбурге с мужем, который был чернее эбенового дерева. По этой причине тетушка впала в полную немилость у семьи Ганнибала. И лишь потому, что подарок не вызывал сомнений в смысле благонадежности, Библии было дозволено попасть в руки конфирманта. Под корешок книги было вложено написанное от руки пожелание:

«Дорогой племянник. Прочти сперва в Ветхом Завете *Соломону Песнь песней*. А потом уж все остальное. Твоя тетя Тея».

Страницы книги были пропитаны свойственным заморской стране запахом мирры, расколотого граната и сладко-пряной корицы: «Твоя любовь прекраснее вина, прекрасней твоих мазей благовонных... Как нитка алая, уста твои», — так писал царь Соломон, живший три тысячи лет назад в Иерусалиме. Хмельной от страстной любви.

Именно там, в этих строках, хотелось бы жить моему деду!

Ранее он мельком видел Сару Бернар перед отелем «Англетер», когда она посетила Данию и все вокруг курили ей фимиами. И, словно при виде торта, испеченного по случаю приезда великой француженки, с хрустящим миндальным коржом, горько-сладким шоколадом и вишенкой на вершине в виде дикорастущей фиалки, у Ганнибала потекли слюнки. Одноногая красавица играла и Гамлета, и другие мужские роли. Что-то особенное таилось в такого типа женщинах и привлекало его. Что-то такое, что волновало кровь и тревожило сердце. И он проклинал себя за то, что не набрался мужества, не отделился от толпы и не обратился к ней.

Послевкусии от встречи с Сарой Бернар заставило деда вежливо отказываться от участия в танцевальных вечерах с дочерьми местных буржуа. Взамен он стал тайком навещать в небольшие темные пивные, особенно в те, что располагались в подвальных этажах Ньюхауна¹, хотя на следующий день ему предстояло рано вставать и отправляться на работу в отцовскую фирму. *СТУПЕНЬКА ВНИЗ* — гласила надпись на ведущей в подвал двери с облупившейся краской. И посетители действительно спускались вниз. Стены заведения пропитало вожделение, из туалетов доносились вопли матросов и благородных господ, которым довелось в буквальном смысле прочувствовать силу любви собствен-

¹ Увеселительный квартал, где изначально селились моряки.

ным телом. Ньюхаунские девчонки славились самыми крепкими в городе верхними конечностями в рукавах с буфами. А дед в это время сидел в общем зале и прислушивался к речам громогласных живописцев из Академии художеств, пьянствовавших и обсуждавших искусство ночи напролет.

Вначале никто не обращал на него внимания, но со временем официант и кое-кто из художников стали здороваться с Ганнибалом, когда тот появлялся в пивной. Ганнибал постепенно приближался к фоно, за которым сидел пианист и лупил по клавишам, наяривая американский регтайм вперемешку с популярными песнями из летних ревю. Пианист и Ганнибал вели беседы, и однажды ночью деду разрешили исполнить один номер. И он выбрал аргентинское танго, тогда как раз вошедшее в моду в Европе. *La Belle Creole*¹ заставила даже самых окосевших гостей умолкнуть, выпрямить спины и щелкнуть каблуками. Кавалеры пригласили дам и вели их в танце с невиданным дотоле уважением. В том числе и девчонок из Ньюхауна. Бурные пьянящие ночи, после которых Ганнибал просыпался с черными кругами под глазами и весь следующий день измерял пространство в конторе фирмы оптовой торговли танцевальными шагами.

В мае вышла на экраны немая фильма «*Анна Каренина*» с Бетти Хансен в главной роли, и деду удалось достать билет на премьерный сеанс. Он отправился в кино один, чтобы никто из родственников не помешал его встрече с кинодивой.

Перед началом показа фру Хансен вышла на сцену, и публика устроила ей овацию на несколько минут, а потом наблюдала блистательную игру звезды в экранизации классического романа Толстого. Она исполняла роль дамы из высшего придворного общества, женщины, которая пред-

¹ «Прекрасная креолка».